

## Глава 21. Урок

— Каждый спит на своей половине.

Голос Гу Цзиньчэна прозвучал неожиданно. Он решительно сложил одеяло, лежавшее на кровати, и, словно проведя демаркационную линию, уложил его плотным валиком посередине, создав очевидный барьер.

Закончив, он медленно повернул голову. Взгляд его упал на кудрявого юношу, только что вышедшего из душа.

Фан Цзинно был одет в пижаму с принтом Дораэмона. Его пышные кудри еще не высохли, и несколько влажных прядей прилипли ко лбу. Скрестив руки на груди и дерзко вскинув подбородок, он всем своим видом излучал вызов. Обида, казалось, сгустилась в воздухе тесного сарая.

— Спи сам, если хочешь, а я не буду! — Голос его прозвучал нарочито резко, с откровенной провокацией в каждом звуке.

Он не собирался так просто сдаваться. Обвести его вокруг пальца не так-то просто!

— Хорошо, — коротко бросил Гу Цзиньчэн и, не тратя больше слов, развернул свою половину одеяла и вытянулся на кровати. Его темно-серая шелковая пижама на фоне ветхих досок отливала холодным блеском, делая его похожим на ледяное изваяние.

Сказано — сделано. Гу Цзиньчэн лег, заняв большую часть кровати и не оставив Фан Цзинно ни единого шанса.

Фан Цзинно испепелял его взглядом. Воротник пижамы Гу Цзиньчэна был застегнут на все пуговицы, даже на самую верхнюю. От него веяло какой-то мертвенной неподвижностью, словно он вот-вот погрузится в медитацию.

Его вечно каменное лицо лишь усугубляло гнетущую атмосферу. Сарай и без того походил на дом с привидениями, а присутствие Гу Цзиньчэна делало его еще более жутким.

Было всего десять вечера — время, далекое от привычного для современной молодежи отбоя. Телефонов у них не было, и в сарае воцарилась тишина, нарушаемая лишь дыханием друг друга. Они молча сверлили друг друга взглядами, и атмосфера стала неловкой до предела.

Гу Цзиньчэн первым отвел взгляд и закрыл глаза, собираясь спать. Фан Цзинно, все еще дуюсь, сидел на стуле у окна. Он бессознательно теребил край пижамы, его ноги беспокойно сдвигались и раздвигались, а на лице отражалось крайнее нетерпение.

На самом деле ему хотелось в туалет.

Вечером на кухне он нашел кусок вяленого мяса, сжевал его целиком, а потом выпил много воды. Тогда это казалось отличной идеей, но теперь он горько жалел о содеянном.

Стиснув зубы, Фан Цзинно поднялся и, хромя, поковылял к двери. Стоило ему приоткрыть ее, как внутрь ворвался холодный ветер с запахом травы. Он вздрогнул, потер руки, покрывшиеся гусиной кожей, и сделал несколько глубоких вдохов, чтобы набраться храбрости.

Но, постояв на пороге и вглядевшись в чернильную тьму ночи, он так и не решился выйти.

Вернувшись к кровати, он легонько ткнул пальцем в безупречно ровную спину Гу Цзиньчэна и тихо позвал:

— Гу Цзиньчэн...

Гу Цзиньчэн открыл глаза и увидел склонившееся над ним бледное лицо, но слова, сорвавшиеся с губ юноши, прозвучали все так же властно:

— Эй! Мне нужно в туалет, пойдешь со мной.

Гу Цзиньчэн согнул ногу в колене и сел. Его взгляд был направлен прямо на Фан Цзинно.

— Фан Цзинно, — ровным голосом произнес он, — разве так просят о помощи?

Фан Цзинно уже едва сдерживался. Его ноги мелко дрожали, заставляя подрагивать и штанины пижамы.

— А как надо?! — выкрикнул он.

— Когда тебе нужна помощь, — серьезно, чеканя каждое слово, сказал Гу Цзиньчэн, — следует говорить: «Мне нужно в туалет, не мог бы ты пойти со мной?» Это касается и того случая сегодня, когда ты звал Ли Линьлиня помочь тебе спуститься.

Фан Цзинно счел его ужасным занудой, похожим на старого учителя. Он нетерпеливо упер руки в бока, не желая слушать дальше.

— Какая разница? Смысл тот же! К чему эти пустые слова!

— Это воспитание и вежливость, — тон Гу Цзиньчэна стал еще строже, а во взгляде появилась непреклонность.

После этих слов воздух, казалось, застыл.

И тут на тыльную сторону его ладони упала капля.

Он поднял глаза.

— Почему ты опять плачешь? — со вздохом спросил он.

Сколько раз уже за сегодня.

— Какое ты имеешь право меня учить! Какое право ты имеешь говорить, что я невоспитанный!

— Фан Цзинно больше не мог сдерживаться. Крупные слезы покатались по его щекам. Он яростно тер глаза тыльной стороной ладони, пытаясь остановить поток, но слезы, словно жемчужины с оборванной нити, продолжали литься.

— Не три руками, — Гу Цзиньчэн быстро перехватил его запястье, усадил на край кровати, взял с тумбочки салфетку и принялся вытирать ему слезы.

Затем, рискуя нарваться на новую волну проклятий, он спокойно добавил:

— Я не учу тебя, а лишь констатирую факт: у тебя отвратительная манера говорить.

Он ожидал очередной вспышки гнева, но вместо этого непокорный вихор на макушке Фан

Цзинно поник.

— Мне никто никогда этого не говорил, — всхлипнул он.

— Потому что все тебе потакали.

— Так я... действительно так ужасно разговариваю? — Фан Цзинно поднял на него покрасневшие глаза.

— Ужасно, грубо, недостойно цивилизованного человека, — безжалостно отрезал Гу Цзиньчэн.

Фан Цзинно привык к вседозволенности. Он, конечно, знал о своих недостатках, но окружающие всегда шли у него на поводу, никто не делал ему замечаний, и он не видел причин меняться. Постепенно дурные манеры вошли в привычку.

Молодой господин никогда не встречал человека, который бы так прямо указал ему на его ошибки. Слова Гу Цзиньчэна, словно три стрелы, вонзились ему в сердце.

Если бы он не видел стопроцентный уровень симпатии над головой Гу Цзиньчэна, он бы решил, что тот просто издевается над ним.

Фан Цзинно шмыгнул носом. Эмоции у него вспыхивали и гасли с одинаковой скоростью, а сейчас им безраздельно владел мочевого пузырь.

— Ладно, — быстро проговорил он. — Мне нужно в туалет, не мог бы ты пойти со мной?

— Мог бы. Пойдем, — без малейшего колебания ответил Гу Цзиньчэн и направился к двери.

Фан Цзинно на мгновение замер. Он был удивлен. Ему казалось, что этот негодяй воспользуется ситуацией и будет долго его мучить, но тот согласился на удивление легко.

Ночью в деревне было темно, хоть глаз выколи. Гу Цзиньчэн еще днем заметил на подоконнике в сарае фонарик. Полагаясь на память, он пошарил в темноте и нащупал его.

Но когда он включил фонарик, тот испустил лишь тусклый луч, освещавший крошечный пяточок земли под ногами.

Фан Цзинно ничего не оставалось, как идти вплотную к Гу Цзиньчэну.

Травмированная нога давала о себе знать, он ковылял, и через несколько шагов отстал.

— Эй! Подожди меня! — в отчаянии крикнул он.

Но шаги впереди не только не замедлились, а, наоборот, ускорились, и вскоре он остался далеко позади.

Фан Цзинно сглотнул подступившие слезы.

— Прошу, не мог бы ты меня подождать?

Шаги тут же замерли.

Фан Цзинно стиснул зубы. Хоть он и кипел от злости, но сейчас был в положении просящего. Проглотив обиду, он на одной ноге пропрыгал несколько метров, чтобы догнать своего

проводящего.

Гу Цзиньчэн почувствовал, как кто-то несмело ухватился за край его одежды. Теплое дыхание коснулось спины, а шаги зазвучали неравномерно — один твердый, другой — приглушенный.

Он подумал, что не должен жалеть этого избалованного богача, но, пообщавшись с ним, понял, что Фан Цзинно не так уж и плох, как о нем говорят.

— Ты обработал ногу? — внезапно спросил Гу Цзиньчэн. Даже стоя так близко, он не чувствовал запаха мази.

— Не нашел, — глухо ответил Фан Цзинно.

— Что?

— Сяо Ла сказал, что положил мазь в чемодан, но времени было мало, я не успел найти, — Фан Цзинно опустил голову, голос его становился все тише.

Даже если бы и нашел, ему некуда было бы ее положить. Его маленький чемодан был до отказа набит одеждой. Утром ему даже пришлось одалживать зубную пасту у Ли Линьлиня.

Он не знал почему, но рассказывать Гу Цзиньчэну о своей рассеянности было неловко. Он боялся, что тот снова начнет его отчитывать.

Ему даже показалось, что если бы Гу Цзиньчэн не стал актером, из него получился бы отличный учитель.

И действительно, Гу Цзиньчэн на мгновение замолчал, явно озадаченный, а затем сказал:

— У меня есть аптечка. Вернемся — посмотрим, что можно сделать.

Уши Фан Цзинно вспыхнули.

— Гу Цзиньчэн... — упрямо начал он, — даже если ты будешь так добр ко мне, я все равно не...

— Не поблагодаришь меня, я знаю, — перебил его Гу Цзиньчэн.

Фан Цзинно мысленно закричал. Он хотел сказать, что все равно не станет геем! Он прикусил губу. Да, Гу Цзиньчэн был на удивление заботлив и, в общем-то, неплохой человек, но к мужчинам его совершенно не тянуло.

Они вышли из-под навеса, и на них упал слабый лунный свет.

В этом свете Гу Цзиньчэн заметил, что уши Фан Цзинно стали пунцовыми. Он удивился, но спрашивать ничего не стал.

Наконец они добрались до туалета. Фан Цзинно, красный от напряжения, пулей влетел внутрь.

Но, расстегнув штаны, он понял, что вокруг непроглядная тьма.

Только сейчас он сообразил, что забыл взять у Гу Цзиньчэна фонарик.

Он чуть не умер от страха. Все его тело дрожало.

— Гу Цзиньчэн! — позвал он срывающимся голосом.

Издали донесся спокойный ответ:

— Я здесь.

— Гу Цзиньчэн!

— Я здесь.

От того, что на каждый его зов следовал ответ, ему стало немного спокойнее, но страх не отступал. Он постарался как можно быстрее сделать свои дела.

Когда он уже заканчивал, в углу что-то зашуршало. Фан Цзинно подскочил, распахнул дверь и бросился в объятия Гу Цзиньчэна.

— Там что-то есть! — закричал он, всхлипывая.

Гу Цзиньчэн крепко подхватил его и, посмотрев в указанном направлении, невозмутимо спросил:

— Что там?

— Пушистый пес! Медведь-оборотень!

— Это еще что такое?

— Он детей ест!

— А ты разве ребенок?

Фан Цзинно осекся, но продолжал крепко цепляться за него.

Гу Цзиньчэн опустил голову и посмотрел на него. Да, щеки у него и вправду были такие нежные, что, казалось, брызнут соком, если ущипнуть.

Да. Ребенок.

<http://bllate.org/book/13677/1211872>